

вора, таким объектом не становились даже споры и разногласия среди, если можно так выразиться, вполне обычных и привычных “объектов” (а точнее – субъектов), быт, манеры и мировоззрение которых наш этнограф привык изучать в поле. Эта непривычность имеет своим следствием и отсутствие необходимых для такого рода анализа системы понятий и словаря. Тем поучительнее может быть знакомство с уже наработанными методами анализа научных коллективов у наших коллег-этнографов, проводящих такие исследования несколько десятилетий.

Сходным образом исследования современной материальной культуры и технокультуры позволили этнографам не только поставить ряд новых для них проблем, но и предложить для их решения новые концептуальные средства и методы исследования. Археологам, привыкшим работать с артефактами, и этнографам, исследующим традиционную культуру, будет, наверное, интересно узнать, как применительно к их излюбленным объектам исследования заработают понятия феноменологии восприятия вещи, объективизации и контекстуализации, доместикации (взаимной адаптации вещей и людей), нарративного отражения жизни вещей, политические, экономические и гендерные аспекты отношений между людьми и вещами и прочие разработанные в исследованиях технокультуры новые методы и понятия, с моей точки зрения, вполне способные революционизировать традиционные исследования и этнографической триады “пища – жилище – одежда”, и исследований традиционной материальной культуры в целом.

Публикуемые ниже статьи знакомят читателей нашего журнала как с панорамой исследований науки, техники и современной материальной культуры в целом, так и с конкретными примерами реализованных антропологических исследований в этих областях.

С.В. Соколовский

ЭО, 2011 г., № 5

© С.А. Арутюнов

**ОТ СПОКОЙНОЙ К УСКОЛЬЗАЮЩЕЙ
МАТЕРИАЛЬНОСТИ:
О ПРОБЛЕМАХ ЭТНОГРАФИЧЕСКОГО ИЗУЧЕНИЯ
МАТЕРИАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ
(ИНТЕРВЬЮ Н.В. БОГАТЫРЬ)**

Ключевые слова: история науки, материальная культура, культура жизнеобеспечения этноса, исследовательские методы, полевые исследования

В интервью д. и. н., профессор, чл.-корр. РАН, один из авторов концепта “культура жизнеобеспечения этноса”, С.А. Арутюнов размышляет о причинах своеобразия исследований материальной культуры в отечественной этнографии, об их прошлом и будущем, о междисциплинарном опыте концептуализации материальной составляющей на примере сельской культуры Армении.

Наталья Богатырь (далее – Н.Б.): Сергей Александрович, спасибо, что Вы согласились поговорить и предложили название для подборки статей о подходах к исследованию материальной культуры. Я хотела с Вами поговорить как раз и о материальной

Сергей Александрович Арутюнов – д. и. н., проф., чл.-корр. РАН, заведующий отделом Кавказа Института этнологии и антропологии РАН; gusaba@iea.ras.ru

культуре, и о подходах к ней. Наверное, практически любой полевой антрополог в своей жизни обращался к исследованиям материальной культуры, потому что это такая большая тема – и традиционно наша. С чего начался Ваш интерес к ней, если помните?

Сергей Арутюнов (далее – С.А.): Во-первых, думаю, что далеко не каждый антрополог имеет вкус к материальной культуре. Я Вам говорил, что, когда я поступил в аспирантуру в 1954 г., у нас был завхоз в институте: такой товарищ Гусев (не помню его имени-отчества). Славный человек, хотя с некоторыми странностями. Но он фронтовик был, контуженный, так что эти некоторые странности объяснимы. Во-первых, он был уверен, что наша наука называется “этнография” (и даже заказал круглую печать, где “черным по белому”, так сказать, или выпукло по резине было написано “Институт этнографии Академии наук”). Это сразу было замечено, но некоторое время (пока перезаказали, пока сделали новую печать) документы нашего института выходили с печатью “института этнографии”. И всем проходящим, кто интересовался как-то институтом, товарищ Гусев говорил, что “этнография – это наука про пищу, жилище и одежду”. И, в общем, был прав. Потому что в то время, в условиях жесткого идеологического пресса, заниматься социальными структурами и духовной культурой, которая неизбежно связана с религией, было не очень уютно и даже в какой-то мере рискованно, потому что всегда можно было нарваться – и даже непременно нарваться! – на всякого рода идеологическую критику: всем не угодишь. Гораздо спокойнее было заниматься материальной культурой. И большинство людей действительно этим и занимались, то есть, как правильно говорил товарищ Гусев, “пищей, жилищем и одеждой”.

Н.Б.: То есть это было такое прикрытие для дисциплины...

С.А.: Конечно. Спокойная заводь, отстойник такой... Пищей занимались меньше. Пищей у нас в институте почти не занимались. Занимались ею наши балтийские коллеги. Вот они там действительно занимались материальной культурой очень продуктивно, очень широко (Этнографическое картографирование 1975). Кроме “пищи, жилища и одежды” туда включали и транспорт (сельскохозяйственные орудия – это уже другой раздел, это уже хозяйство, не культура жизнеобеспечения. Впрочем, транспорт отчасти тоже – это уже хозяйство). Вот всеми такими материальными вещами, которые делаются из деревяшек и железок, всем этим наши балтийские коллеги очень продуктивно и хорошо занимались. Но больше всего любили заниматься костюмом (Одежда 1986). По костюму (по среднеазиатскому костюму, по прибалтийскому костюму, по русскому костюму, по костюму народов Сибири) было много хороших исследований. Очень много хорошего не бывает, но были специалисты (в основном, естественно, женщины), которые очень толково этим занимались. Помимо того, что в нашем институте изучалось чисто этнографически, еще были такие отец и сын Сычёвы, которые работали в Музее искусства народов Востока, и они прекрасно занимались классическим китайским костюмом (*Сычев, Сычев 1975*).

Потом, позже, отдел Европы и отдел зарубежной Азии выпустили серию коллективных монографий “Типы традиционного жилища” (у народов Европы и у народов разных регионов Азии) (*Токарев 1968; Чебоксаров 1979*). Это тоже было очень хорошо сделано. Дело в том, что тогда готовился атлас этнографии народов СССР. Это было гигантское мероприятие. Он не получился, но атлас народов Сибири вышел (*Левин, Потанов 1961*). А другие регионы – ну, предварительные публикации к атласу по ним делались. Тогда еще вполне молодые дамы – Галина Александровна Сергеева, ныне покойные Ангара Булатова и Сакинат Гаджиева – активно собирали материал, который долго пролежал в архиве, но несколько лет тому назад удалось все-таки выпустить атлас “Одежда народов Дагестана” (*Булатова и др. 2001*). И Вениамин Павлович Кобычев собрал огромный материал и выпустил книгу с большим количеством карт по типам традиционного жилища и традиционной архитектуры Кавказа (*Кобычев 1982*). Это – самые фундаментальные исследования в области материальной культуры, которые делались еще в советское время.

Что касается зарубежных исследований, то там все-таки материальной культуре уделялось гораздо меньше внимания. Надо сказать, что различие между нашей этнографией или “культурной антропологией” и зарубежной культурной антропологией в значительной степени состояло в том, что у нас очень много внимания уделялось этногенезу (этногенез, пожалуй, был самым распространенным словом нашего лексикона) и много внимания уделялось материальной культуре. На Западе об этногенезе вообще не рассуждали. Я полагаю, что это считалось профанным. Дело в том, что действительно этногенез – весьма гадательная область (к тому же – требующая комплексного подхода). Многие ученые, проявляя некоторый, я бы сказал, академический снобизм, считали, что комплексными проблемами вообще серьезные ученые не могут заниматься, потому что каждый должен копать какую-то свою ямку, а так вот – пахать широкое поле, захватывая разные участки, – это удел скорее дилетантов. Были некоторые исследования, но они носили, скорее, более популярный характер. Отчасти это можно сказать и о книгах по материальной культуре. Я помню книгу Рей Таннахилл (Reay Tannahill) “Food in History” (Tannahill 1973) – она, пожалуй, лучшая, хотя она ориентировалась, в основном, на европейскую пищу. Другую очень хорошую книгу выпустил Джек Гуди (Jack Goody). Называлась она “Cooking, cuisine and class” (Goody 1996). Там он, в частности, объяснял, почему высокая кухня не развилась в Африке. Понятно, почему (ведь высокая кухня развивалась там, где были монаршие дворы, ну или дворы магнатов вроде Радзивиллов, которые не уступали по своей пышности монаршим дворам). А в Африке, хотя и были монархи, но эти монархи питались примерно так же, как и их подданные – без особых разносолов и деликатесов. Поэтому, конечно, высокая кухня в Африке не развилась.

Я вообще считаю, что в черной Африке не было своей особой цивилизации. И все эти разговоры о негритюде, об африканской цивилизации – это сапоги всмятку. Не дошли негры Африки до цивилизации. Они пришли к порогу образования государств. Какие-то ранние государственные образования там были в разных местах, но своей цивилизации там не было, потому что эти ранние государственные образования, где только могли – использовали исламскую цивилизацию (это непосредственно к югу от Сахары), отчасти – восточно-христианскую цивилизацию (скажем, копты, эфиопы, эритрейцы). Ну, а южнее не было и признаков цивилизации, хотя там была довольно высокая, своеобразная и, безусловно, очень ценная культура. Поэтому ни высокая кухня, ни высокая мода там распространения не получили.

Высокая мода – явление достаточно давнее, но оно не очень этнографично. Ханс Науман (Hans Naumann) в 20-е годы XX в. выдвинул концепцию *Gesunkenes Kulturgut*, “утопленного культурного достояния” (утопленного в гущу народных масс), показав, что в позднем средневековье и на пороге Нового времени крестьянская материальная культура (в частности – костюм, отчасти – мебель и посуда, утварь) копировала феодальную, или ее мотивы были навеяны придворной, высокой культурой. Но сам же Науман писал, что народ получает обратно от знати то, что он же ей и дал. Те ремесленники и дизайнеры, которые работали на эти монаршие дворы, на эту знать, создавая моду, создавая костюм, создавая кулинарию, брали исходный материал, исходные мотивы из народной культуры (только как-то все это перерабатывали, усложняли, отшлифовывали). А потом это все, удешевляясь, спускалось обратно в простонародную культуру.

Что касается пищи... Естественно, очень существенен “кулинарный треугольник” Леви-Строса (*Lévi-Strauss* 1965). Любое изучение культуры питания без той или иной отсылки к этим структурным работам Леви-Строса немислимо. Пища вообще такая интенсивно структурированная вещь. Понимаете, вся материальная культура, помимо того, что она обслуживает витальные потребности, представляет собой и язык выражения. Наиболее блестяще это выразил Петр Григорьевич Богатырев в своей работе о костюме Моравской Словакии (*Богатырев* 1971), где он показал, как говорит костюм,

как он выражает социальный статус иokkaзиональные состояния человека, который в этот костюм одет. Это очень важно, поэтому, изучая и одежду, и пищу, да и жилище тоже, мы прежде всего задаемся вопросом: что хочет пользователь, создатель или носитель этих материальных предметов сообщить окружающим о себе. Он может сообщить о том, что он – знатный человек, он может сообщить о том, что преуспевает, он может сообщить о том, что он вдов, он может сообщить о том, что соблазны мира для него не существуют и что он всецело предан Богу, поэтому носит дерюжки, подпоясанные вервием и так далее.

Н.Б.: То есть мы смотрим на текст, на знак, когда говорим о материальном, а не на саму материальность как таковую?

С.А.: Да, не на саму. Потому что самим материальным – пищей – занимаются кулинары и нутриционисты, одеждой занимаются профессиональные дизайнеры, жилищем занимаются профессиональные архитекторы, которым зачастую на эту знаковую сторону наплевать. Они либо выражают свои многомерные фантазии, либо фантазии насчет идеального устройства общества, которое они хотят переделать через архитектуру, либо еще какие-то идеи величия. Скажем, архитектура гитлеровского рейха и во многом сходная с ней архитектура сталинского “рейха” никакого отношения ни к немецкой, ни к русской или народной архитектуре других народов СССР не имела. Они брали какие-то классические мотивы (потому что именно в классике можно найти более всего величия) и еще эти мотивы подчеркивали, усиливали, чтобы произвести такое подавляющее, устрашающее, сногшибательное впечатление на зрителя.

Н.Б.: Сергей Александрович, Вы сказали, что материальная культура служила дисциплинарным прикрытием и ее изучение не было престижным. И оно было в основном женским?

С.А.: Нет, жилищем много занимались и мужчины. Жилищем, транспортом. Можно назвать Кобычева, которого я упомянул. Транспортом занимался Кожин (*Кожин* 1985). Но пищей и костюмом, естественно, больше занимались женщины, потому что в этом случае информантами являются, главным образом, женщины. Поэтому это естественно.

Н.Б.: А непрестижное прикрытие влияло на статус дисциплины в целом?

С.А.: Нет, не думаю. Статус дисциплины и в целом был не очень-то высок. Как-то археология была гораздо более популярна, и в широкой прессе об археологических открытиях писали много, а об этнографических почти не писали. Но, тем не менее, как-то мы существовали, более-менее неплохо.

Н.Б.: Сергей Александрович, на Западе (при том, что практически каждый из известнейших антропологов обращался к материальной культуре, собраны и описаны огромные коллекции) очень мало теоретических работ. Материальность очень редко осмысливается теоретически. Как Вы думаете, почему?

С.А.: Я думаю, что материальность, изучение материальности неразрывно связано с материализмом. Есть марксистский исторический материализм – метод, который, по-моему, полностью сохраняет свое значение и в наши дни и очень близкородственный ему культурный материализм Марвина Харриса. Мне пришлось участвовать в симпозиуме в Дели в 1978 г. во время X Всемирного конгресса антропологов и этнографов. На этом симпозиуме, с одной стороны, выступали я, Эдуард Маркарян и Юрий Мкртумян, а с другой стороны – Марвин Харрис и несколько его последователей и учеников. И, хотя мы много спорили о деталях, а потом Бромлей в своем отчете итоги этого симпозиума выдал как “блестящую победу марксистской исторической науки”, я прекрасно помню, как мы, проспоров в аудитории отведенные на этот симпозиум 2 или 3 часа, потом вышли с Харрисом в парк и продолжали просто беседовать. И неофициально пришли к выводу о том, что спорить нам по существу не о чем, что наши подходы очень близки и культурный материализм и исторический

материализм – это более-менее одно и то же. Единственное различие – то, что Марвин Харрис в своем культурном материализме несколько пренебрегал диалектикой. Во-первых, понятием “отрицания отрицания”, которое, с моей точки зрения, чрезвычайно важно, а, во-вторых – революционными преобразованиями культуры. Он все-таки рассматривал культуру как более-менее плавно эволюционирующую вещь. В этом он был ближе к эволюционистам XIX и начала XX в., нежели чем безусловные наследники этих эволюционистов – марксистские этнографы.

Я Вам приведу такой пример отрицания отрицания применительно к материальной культуре: первоначально человек, еще в процессе своего становления как человека, питался жучками, червячками, орешками, почками, бутончиками, листочками, улиточками, т.е. был типичный собиратель. Потом был период, когда человек отчасти стал падальщиком, а потом от стервятнического присвоения чужой добычи перешел к активной охоте, стал высокоспециализированным охотником, самым страшным хищником на планете. Не во всех районах мира, но там, где это было возможно. А потом, когда всех мамонтов и носорогов съели и остались только зайчики, волей-неволей снова вернулся к растительной пище (но уже крахмалистой) и стал земледельцем. И с этих пор наша пища базируется в основном на крахмалистых веществах, к чему организм человека не шибко приспособлен, потому что организм формировался на жучках и червячках, а также листочках и бутончиках. И вот сейчас, в период кризиса разных аспектов этой цивилизации, основы которой были заложены еще в неолите с одомашниванием культурных растений, мы в разных гранях своей культуры, своего поведения возвращаемся к этим раннепалеолитическим нормам. Но, как это водится в диалектике – на новом витке спирали; на том же градусе, но на более высоком уровне и ином техническом оснащении. И сейчас продвинутые потребители в наиболее продвинутых странах мало употребляют крахмала. Хлеб Вам... – ну, дадут булочку какую-нибудь, а так – хлеба почти не едят. Не так уж популярны макаронные изделия (кроме своей родины Италии) и всякого рода каши, и даже так называемые каши “сириэл” (это смесь зерен и хлопьев со всякими цукатами и другими веществами). А вот то, что ест современный продвинутый едок, это креветки, мидии, головоногие моллюски, салаты в невероятном разнообразии и в огромном количестве, фрукты, всякие овощи – и листовые, и корнеплоды, и такие, и сякие. Считается, чем больше овощей и фруктов – тем лучше. Это, в общем-то, по существу те же самые улитки, червячки, бутончики и ягодки, которые были в самом начале, но только на более высокой технологической основе. То есть триада тезис, антитезис и синтезис (возврат к видоизмененному тезису) здесь проявлена очень ярко. Я могу и на примерах из других сфер культуры, не только материальной, продемонстрировать, что это тоже уже имеет место. А там, где это не имеет места, будет иметь. Но просто, скажем, мы сейчас в основном пока еще задержались на уровне антитезиса. Но к синтезису мы неизбежно придем.

Н.Б.: Сергей Александрович, Вы затронули тему современного массового потребления, которое у нас, к сожалению, антропологами, этнографами не исследуется. Как думаете, почему?

С.А.: Оно исследуется, но не этнологами. Оно исследуется маркетологами. Исследуется очень интенсивно. Оно исследуется экономистами. А почему оно не исследуется этнологами – потому что этнологи привыкли все-таки заниматься традиционной культурой. Современное потребление мало связано с традиционной культурой. Оно диктуется рынком, транснациональными корпорациями, рекламой как неотъемлемой частью деятельности транснациональных корпораций и тому подобными вещами. Это предмет рассмотрения в большей степени экономиста и социолога и требует специальных экономических и социологических знаний и подходов. Здесь просто этнографические методы – даже методы включенного наблюдения – мало что могут дать. Потому что включенным потреблением вы более-менее можете определить качественную сторону того, что потребляют люди, среди которых вы работаете, но не количественную

сторону. И вам трудно будет уловить социальные различия, различия разных слоев, различия разных классов в этом потреблении. Это социологическое направление.

Н.Б.: Получается, что мы постепенно теряем область материального, поскольку традиционная материальность уходит, а современную мы не можем охватить нашими методами?

С.А.: Есть, есть попытки. Ну, например, работа Утехина о коммунальных квартирах (*Утехин 2004*). Это великолепная работа, сугубо этнографическая, которая показывает отношение человека и жилища. Но не традиционного жилища, а того жилища, которое ему предоставляет сугубо городская культура (причем – на определенном формационном этапе своего развития). Но такие вещи – новаторские. Не у каждого хватает сил и проникновения взгляда, чтобы такие вещи ухватить. Вообще изучение современной городской культуры или современных городских субкультур – это чрезвычайно перспективная область этнографии. Но новая, еще не освоенная, еще мало кому знакомая, мало понятная. И методы не разработаны.

Н.Б.: То есть проблема в методе?

С.А.: Да, проблема в методике.

Н.Б.: Понятно. Но вот это обращение – оно тоже ретроспективное. Это обращение к социалистической материальности, к тому, что уже прошло. Обращение к капиталистической сегодняшней, условно говоря...

С.А.: Сегодня наша культура – это капиталистическая культура. Но сейчас в России это культура дикого капитализма. Я не знаю, можно ли называть капиталистической культуру современных Соединенных Штатов или Европы, или для них уже нужно применять термин посткапиталистическая, но это схоластический вопрос. Вообще-то, и она является капиталистической культурой, но поздней капиталистической культурой, которая испытала воздействие социалистических культур. Совершенно ясно, что большинство обществ мира стадию рабовладения не проходило. Рабовладение имелось везде как уклад, но мало существенный с экономической точки зрения. И только в античном обществе рабовладение, эксплуатация раба приобрела такие широкие масштабы и стала там в какой-то степени основой экономики. Но тем, что нарабатало античное общество именно благодаря тому, что оно так в бок ушло от нормального развития от первобытности к раннефеодальному обществу, именно этим оно оказало огромное воздействие на большинство других обществ. Точно так же так называемое социалистическое, марксистско-ленинское по своей идеологии (не марксистское отнюдь, а именно марксистско-ленинское) общество при всех своих весьма несимпатичных чертах оказало огромное влияние на формирование позднекапиталистического общества. Другие страны переходили от раннего капитализма к позднему, используя наработки или находясь под воздействием, или вынужденно оглядываясь на социалистические общества. А вот мы, будучи сами социалистическим, марксистско-ленинским обществом, не могли оглядываться сами на себя. В общем сейчас пытаемся оглянуться – с большим трудом. Но тот капитализм, к которому мы пришли, это ранний капитализм, это дикий капитализм. Это тот капитализм, который был в Соединенных Штатах, может быть, в 70-е годы [XIX века], когда рабство негров было уже позади, но еще ни о какой мощи профсоюзов, тред-юнионов никакого разговора не могло быть, когда забастовки подавлялись ружейным огнем, крупные монополисты вершили любой беспредел практически беспрепятственно. Вот на этом этапе находится сейчас наше общество, на полтора-два десятилетия отстав от наиболее передовых капиталистических обществ.

Н.Б.: Я вот почему этот вопрос задала: так сложилось, что мы не изучали социализм, капитализм, мы всегда изучали более ранние этапы. И социализму потребовалось умереть, чтобы мы сейчас посмотрели на него с точки зрения его материальности – на эти коммунальные квартиры, на советское нижнее белье (*Гурова 2008*)... спустя некоторое количество лет. А капитализм – это наше сегодня...

С.А.: Это наше сегодня в становлении.

Н.Б.: И мы на него пока не можем замахнуться?

С.А.: Конечно, это почти невозможно. Это очень трудно и, пожалуй, даже преждевременно.

Н.Б.: А когда придет черед этой материальности, которая окружает нас сейчас? Когда мы начнем ее изучать (и начнем ли)?

С.А.: Начнем – безусловно. Но, я думаю, тогда, когда она уже умрет.

Н.Б.: То есть мы изучаем только мертвые формы?

С.А.: Мы – историки! Историки изучают то, что прошло.

Н.Б.: Значит, все-таки наша дисциплина – историческая?

С.А.: Наша дисциплина, в основном, историческая. В той мере, в какой она социологична – да, она изучает общество на современном срезе. Но при этом она уже не является классической этнографией, она в большей степени является социологией. Но дело в том, что она все-таки не археология, она имеет дело не только с мертвыми остатками именно в силу действия того же самого закона отрицания отрицания. Нам необходимо изучать и тезис, и антитезис, чтобы творить синтезис. Но я не знаю, когда придет время сотворения синтезиса. Некоторые считают, что через несколько десятилетий (вряд ли!). Я-то склонен думать, что лет через полтора–двадести. Тогда, когда окончательно уйдет в прошлое мегаполисная глобализованная механическая цивилизация, в рамках которой мы живем сейчас, и когда на смену ей придет информационная, микрополисная, чтобы не сказать нанополисная, и нанобиотехнологическая цивилизация. Вот тогда-то построение этой цивилизации будет невозможно без обращения к наследию тезиса, т.е. к наследию именно традиционной народной домашинной и домашней культуры.

Н.Б.: И придет наше время...

С.А.: Ну, придет время наших правнуков, но – нашей науки. Думаю, что да. Будет изучаться и прошлое, и, конечно, будет изучаться и их настоящее. Их настоящее будет насыщено совершенно новыми формами этой нанобиотехнологической по своей материальной базе и микрополисной по социальной структуре цивилизации. И еще рано говорить, как эта цивилизация формируется и какие формы она принимает (а она будет принимать огромное разнообразие форм!). Ну, сейчас Япония как урбанистическая индустриальная цивилизация, может быть, стоит на одном полюсе, а Южная Африка, как тоже урбанистическая индустриальная цивилизация, но иная, стоит на другом полюсе. Вот если бы передо мной стала задача показать наиболее разные, наиболее непохожие общества современности, то я противопоставил бы, с одной стороны, Японию, с другой стороны – Южную Африку. Общее у них то, что они являются интегральными членами глобализованной цивилизации (ну а разница, как и Господь – в деталях).

Н.Б.: Сергей Александрович, Вы говорили, что у нас не хватало всегда методологической базы. Но и, действительно, кроме Токарева после 1970 г. таких работ не было...

С.А.: Да, не было.

Н.Б.: Расскажите о Вашей попытке – я так понимаю, это была попытка теоретического и методологического осмысления того, как изучать материальную культуру? Я имею в виду культуру жизнеобеспечения.

С.А.: Ну, именно методологическое, а не методическое, конечно. У нас не особенно можно было разгуляться на поприще методологии, поскольку официально существовал один только метод исторического материализма или марксистский научный метод. Хочешь – не хочешь, надо было в него вписываться. Он-то не плох сам по себе, как показывает опыт того же самого Марвина Харриса и Маршалла Салинса и других относительно близких к марксизму американских социологов и антропологов. Именно относительно близких по своей методологии. Но нужны и

другие методы. Все-таки и культурный материализм, и исторический материализм базируются на примате форм хозяйствования, т.е. на примате экономики в конечном счете. Нужен синергетический подход. Но синергетический подход очень сложен, потому что нужно учитывать очень большое количество факторов и взвешивать относительное значение этих факторов. Тут, конечно, помогает подход структуралистский, подход Леви-Строса и его школы в первую очередь (к которому Токарев, надо сказать, относился более чем скептически). Без этого никуда не денешься. Я затрудняюсь сказать, каким термином можно определить подход Лотмана и всех тех колоссальных по своей значимости наработок, которые публиковались в этих маленьких сереньких книжонках Тартусской летней школы. Но это семиотический подход. Все-таки мы в основном живем в мире знаков. Мы эти знаки чем-то подкрепляем. Иначе это будет пустое фанфаронство, необоснованная претензия. Но все же важно не то, как и чем мы их подкрепляем, сколько то, как оформляется, в конечном счете, сам знак и как он воспринимается. Поэтому, скажем, Великая Отечественная война – это был колоссальный подвиг, колоссальное усилие и колоссальное материальное движение, миллионы тонн металла и взрывчатки накатывались на людей и друг на друга, крошились, но в конечном счете результатом был знак, когда этот надутый Кейтель вошел, отсалютовал своим фельдмаршалским жезлом и подписал капитуляцию. Все эти материальные усилия делались ради этого знака. Этот знак означал новую эпоху в мировой политике.

Н.Б.: То есть подход все-таки структуралистский и семиотический?

С.А.: Да. По-моему, да.

Н.Б.: Сергей Александрович, а как возник проект по изучению культуры жизнеобеспечения, как у Вашей группы появился этот термин?

С.А.: Ну, скажем, так. Первоначально я, читая западную литературу, стал встречаться все чаще и чаще с понятием “subsistence culture”.

Н.Б.: А кто были авторы, у кого Вы его встречали?

С.А.: У многих. На страницах журнала “Current Anthropology”.

Н.Б.: Этот термин стал тогда популярен? В 70-е годы?

С.А.: Да, в 70-е, может, даже в 60-е. Журнал “Current Anthropology” издается с 1959 г. Редактором был Сол Такс (Sol Tax). В 64-м был конгресс, а Сол Такс приезжал едва ли не в 58-м. Когда приехал к нам Сол Такс, он вел с нами переговоры, и одним из центральных моментов было издание этого международного журнала “Current Anthropology”. И “Current Anthropology” стал издаваться. Надо сказать, что я его давно уже не читаю, потому что он оказался несколько схоластическим и малоинтересным. Но тогда он был очень интересным – в начале и в 1970-е годы. Даже в 1980-е годы он был еще очень интересным. И там очень часто употреблялся этот [термин]. Не только там – проходили разные симпозиумы (в частности, по охотникам и собирателям). И вот когда мне нужно было перевести это “subsistence culture” на русский язык, я ничего лучше не нашел, как “культура жизнеобеспечения”. Но потом “subsistence culture” стала постепенно пониматься во все более узком плане как “hand-to-mouth existence” или “hand-to-mouth economy”. Постепенно исследователи “subsistence culture” (те, кто употребляли этот термин) переходили к такому его пониманию, т.е. как культуры необходимого минимума потребления. Тогда мне казалось, что культура жизнеобеспечения очень важна. По существу, это то же самое, что материальная культура – все те же жилище, пища и одежда, но именно увиденные в структурно-семиотическом плане, т.е. этнографы должны изучать эту культуру жизнеобеспечения, эту “subsistence culture” в широком смысле слова не как экономическое явление, а как явление (не только, но во многом и прежде всего) структурно-семиотическое.

Н.Б.: А откуда такое стремление уйти от экономики? Это марксистская схема так всех задавила, что антропологи сторонятся экономики и экономическая антропология у нас не получила развития?

С.А.: Это стремление уйти от экономики связано с боязнью впасть в географический детерминизм. Потому что экономика – прежде всего пахотные орудия или, скажем, методы выпаса скота мало зависят от традиции. Они напрямую зависят от характера почв, от растительного покрова и климата. И попадая в новую среду, какая-то группа этноса сохраняет традиции одежды, пищи, даже жилища, но вынужденно переходит на те орудия труда и способы ведения хозяйства, которые существовали и раньше здесь, вот в этом ареале.

Русские крестьяне, переселяясь на Украину, не хотели жить в хатах-мазанках. Хотя в украинских условиях хата-мазанка на доиндустриальной стадии – это наиболее рациональное решение жилищной проблемы. Тем не менее русские крестьяне считали это недостойным и шли на большие затраты для того, чтобы привезти с севера лес, брус, бревна и в отложенные сроки, с большими трудностями построить все-таки тот дом, который был для них достойным домом, т.е. рубленую избу. Но хозяйство, севооборот, выпас скота, который они практиковали в северной России, в этих условиях был невозможен, потому что иные широты, иные почвы, иной климат, иное увлажнение. Поэтому им приходилось, хочешь – не хочешь, переходить на местные методы хозяйства.

Наиболее драматично это выглядело не примере участи молокан, которых из какой-нибудь Тульской губернии переселили в высокогорные районы Армении. Ну что им там оставалось делать? Или помирать, или научиться хозяйствовать так, как хозяйствуют соседние армяне. Они привезли с собой некоторые новые овощные культуры, это было. Выращивать их в условиях армянской почвы было гораздо труднее, там ирригация требовалась, увлажнение, потому что климат-то гораздо суше. Тем не менее они это сохраняли. Они сохранили костюм. Они не могли сохранить жилище, потому что там совершенно другие материалы. И они были вынуждены как-то модифицировать свое жилище. Но в хозяйственном отношении они просто применили свои принципы протестантской этики (принципы предельного трудолюбия, экономичности, отказа от всякого рода пышных, престижных демонстраций, которые характерны для кавказского крестьянства и для армянского крестьянства тоже). Но в общем они поняли, что для того, чтобы выжить, они должны вести хозяйство местными методами. Такими, которые приспособлены к местным почвам и местному климату.

Н.Б.: То есть мы боимся не экономики, мы боимся стоящей за ней географии?

С.А.: Да. Географического детерминизма.

Н.Б.: Мы когда-то выделились из географии.

С.А.: Ну, в общем – да.

Н.Б.: И вот отстаиваем эту границу между собой и географией?

С.А.: Думаю, что да.

Н.Б.: И экономика оказалась ближе туда...

С.А.: Да, экономика – там, по ту сторону этого барьера.

Н.Б.: Я поняла. Интересная штука... То есть Вы считаете, что это не марксистская догма сделала для наших антропологов область экономической антропологии непрестижной и неработающей у нас?

С.А.: Нет, нет. Думаю, что нет.

Н.Б.: А на Западе?

С.А.: Трудно сказать. На Западе нет такой боязни географического детерминизма. Он не является пугалом. Там не били за географический детерминизм. У нас били за географический детерминизм, потому что считалось, что важен уровень развития экономики, а если экономика достигла достаточно высокого уровня, то она на любой почве и в любом климате произведет какой-то успешный плод. А там – нет. Там этой боязни, страха клейма географического детерминизма не было.

Н.Б.: Сергей Александрович, а то, что Вы ограничили жизнеобеспечение тогда материальной культурой и исключили из нее хозяйственную деятельность, тоже как-то с этим связано, с боязнью обвинения в географическом детерминизме?

С.А.: Дело в том, что это не боязнь обвинения, а констатация факта, что на самом деле географический детерминизм существует и детерминирует очень многое. Все это разрабатывалось в рамках Института философии в Ереване. И там были бесконечные наши заседания и споры, их было очень много.

Н.Б.: А когда этот проект стартовал?

С.А.: Я как раз недавно открывал свои дневники: нашел, правда, не самый старт, но я там смотрел 1978–1979 гг. Но это было не самое начало. Самое начало было в начале 1970-х годов, постепенно. Дело в том, что в 1971 г. я впервые приехал в Ереван читать лекции, меня пригласил Мкртумян. С Мкртумяном я был ранее знаком, но не очень близко. Он учился на кафедре этнографии вместе с Губогло, они однокурсники, одноклассники. Но в это время я его почти не знал. В 1964 г. мы ближе познакомились на VII этнографическом конгрессе, который проходил в Москве, это было очень большое событие. Но тогда он уже работал в Ереване, уже кончил кафедру, кончил МГУ. Но это был его первый или второй год работы. Когда я защитил докторскую диссертацию в 1970 г., то тут же в 1971 г. последовало приглашение мне приехать и прочесть курс лекций в Ереване, что я и сделал. Моя жена была со мной, и она застеночно читала мои лекции. И многое из них потом вошло в мою книгу «Народы и культуры» (Арутюнов 1989). Там есть и многое другое: туда я сгреб все ранее опубликованные статьи, даже статьи, написанные в соавторстве, оговорив это. Но центральный костяк – это лекции, которые я читал в Ереване. И с этого времени я ежегодно приезжал в Ереван на месяц с циклом лекций. И это продолжалось до 2005 г., до кончины Юрия Израэловича. Я потом еще несколько лет продолжал приезжать, уже читая лекции не в университете, а в Институте Кавказа, но последние два года не был (этот год будет третий, когда я не поеду в Ереван). Просто потому, что теперь уже некому организовывать эти лекции. Ну, Алик Искандарян продолжает заведовать Институтом Кавказа, но все-таки те лекции, которые я читаю, не совсем в профиле этого института, который по существу является институтом повышения квалификации журналистов.

Но вот проходят 1971, 1972 и 1973 гг. Приехал я, читаю лекции, и Юра предлагает мне принять участие в экспедициях, которые организует кафедра. А поскольку на эти лекции приходил и Маркарян, с которым мы знакомы были давно, до этого (задолго до этого), то между нами тремя возник вопрос о том, что хорошо бы создать книгу, которая, с одной стороны, была бы теоретической, рассматривала разные закономерности культуры, но с другой стороны – была бы основана на каком-то конкретном фактическом материале. И вот мы думали о том, что именно можно взять. И решили, что доступнее всего будет именно материальная культура. Ну, в это время мы уже начинали все это обсуждать, поэтому какое-то представление о том, что культуру жизнеобеспечения нужно отделить от культуры первичного производства, у нас было. Вот, пожалуй, в 1979-м г... потому что я случайно раскрыл дневник на этой странице; я иногда пересматриваю свои старые дневники, и вот дневник 1979 г. я раскрыл на этой странице, и там у меня даже есть три маленьких рисуночка. Сейчас я не вспомню точно, но все три рисуночка – в форме более-менее цветочка, но один рисуночек – это просто круг, разделенный крестом (это схема Маркаряна), потом вот этот цветочек из четырех кругов (это схема Мкртумяна) и более сложный – я уже сейчас не вспомню, почему он такой, более хитрый какой-то цветочек, который предложил Сарингулян, ныне покойный, тогда ученик, один из аспирантов Маркаряна. И вот я, Маркарян, Мкртумян плюс четыре аспиранта Маркаряна, учившиеся в Институте философии, и составили нашу первую экспедицию, которая была, по-моему, в 1976 г. Там еще не было студентов, но в следующие экспедиции Юра подключил студентов, а потом как-то частично эти аспиранты отошли. Ну вот, мы и работали над этой темой, в ре-

зультате получилась вот эта книга – “Культура жизнеобеспечения и этнос” (Арутюнов, Маркарян 1983), за которую мне очень стыдно и обидно.

Н.Б.: Почему?

С.А.: Дело в том, что книга эта хорошая. И даже очень хорошая. В ней много хорошего содержания. Во-первых, Маркарян там выложил со своим теоретизированием. Ну и выложились все мы, потому что в какой-то степени там коллективное творчество. И я, и Мкртумян, и кое в чем участвовали эти молодые ребята, эти аспиранты: Мелко-нян, Енгибарян, Сарингулян, Барсегиан. Ну... В общем-то она получилась не плохая и к ней обращаются, ее цитируют. Но она же безобразно отредактирована! Там не выдержана транскрипция: в одних случаях дается русская транскрипция армянских слов, в других случаях они даны армянским алфавитом. Там есть карта, но к этой карте забыли присобачить легенду – так что приходится догадываться, что там под номерами и под штриховкой имеется в виду. Вот такого рода вещи. И я не мог же еженедельно из Москвы приезжать в редакцию в Ереван и смотреть, как там ведется верстка, набор и так далее. А ни Маркарян, ни Мкртумян этого не делали. Или не придали этому значения, или не имели достаточного опыта редактирования таких книг – этнографических, сложных книг. Поэтому она неряшлива. Чрезвычайно, невероятно неряшлива. И мне очень обидно, что такая важная книга вот так чудовищно неряшливо сделана с редакционно-издательской точки зрения. Ну, что поделать, она вышла... Я в ужасе схватился за голову, когда получил сигнальный экземпляр и увидел, что там сделано. Потому что я им писал, говорил: обратите внимание на это, обратите внимание на то. Но не обратили. Поэтому получилась вот такая неряшливая книга. Но что поделать!.. Так вышло.

Н.Б.: Сергей Александрович, я правильно понимаю, что задача была теоретизировать? А что теоретизировать?

С.А.: Задача была теоретизировать...

Н.Б.: Культуру?

С.А.: Культуру. И она там выполнена в Заклучении, где показано, как оппозиции сакрального и профанного переходят в оппозиции престижного и неprestижного. Но ведь это можно сделать не только на материальной культуре! Это можно сделать в любой области культуры. А, в конце концов, вся история религий показывает, как от первоначальной оппозиции сакрального и профанного религиозный мир уходит в светскую по существу оппозицию престижного и неprestижного. Так что – да, задача была создать какую-то теоретическую модель, а решили мы, что это проще всего сделать на материальной культуре. Причем мы хотели первоначально включить туда и одежду, но потом... Мы разработали ведь анкеты, которые заполнялись в ходе полевой работы.

Н.Б.: Это была социологическая работа во многом?

С.А.: Нет, не социологическая, эти анкеты были опросниками. Мы не давали заполнять крестьянам эти анкеты, мы опрашивали. И заполняли в ходе беседы эти анкеты сами. Но мы собрали их много... эти анкеты были на довольно плотной бумаге... это был десяток вот таких пачек...

Н.Б.: Стопок высотой сантиметров по 50?

С.А.: Ну, по 40, во всяком случае.

Н.Б.: Это количественное исследование?

С.А.: Ну, в общем, это было так. Да, конечно. И хотя там в книге количественный метод прямо не отражен, но какой-то подсчет мы, безусловно, делали. Там балльные были оценки для разных сельскохозяйственных культур: их представленность, распространенность и так далее. Я не знаю, куда потом делись эти анкеты.

Н.Б.: Да, интересно, где этот архив?

С.А.: Черт его знает, сохранился ли он. Архив по жилищу взял проработывать к себе в отдел Дереник Вардумян, а у Игоря Барсегиана долгое время хранились все материалы по пище. А потом он уехал в Америку. Ну, потом были смутные времена: война, блокада, разруха... Я не знаю, представляете Вы себе или нет, но в какой-то

год... 92-й, пожалуй... Зима 1991–1992 гг., наверное, была самой тяжелой... Ереван, в общем, мало чем отличался от блокадного Ленинграда. Был город, который жил довольно голодно. Не так, как Ленинград, но безусловно голодно. Это особенно выразалось – ну, армяне же не могут не угостить – в том, как выглядело это угощение. И темный, без электричества, без горячей воды, да и с холодной водой... Там всегда проблемы с водой, но в это время, конечно, они были особые. Э, что Вы!... Представьте себе: зима, холодно, огромный центральный корпус университета – абсолютно темный, там нет ни одного человека, кроме двух вахтеров (один у северного входа, другой – у южного входа). И каким-то образом протянутая проводка. И в одной маленькой комнате этого университета самодельная (на кирпичи намотанная спираль) электрическая плитка. Только в этой комнате во всем корпусе есть это электричество, потому что как-то протянули откуда-то шнур. И я сижу – и читаю свой цикл лекций. Двум десяткам человек, которые вокруг этой плитки, прямо вот так, одетые, греются, собрались. Но самолеты, тем не менее, летали. Не очень регулярно, но летали. Так что прилететь, улететь возможность была... Жуткая совершенно обстановка...

Н.Б.: Было не до сохранения архивов.

С.А.: Ну, как-то да... Я думаю, что они утеряны. А материал там был огромный, потому что в книгу вошли только выжимки. Во-первых, это были анкеты разграфленные, которые заполнялись по клеткам, а на обратной стороне почти каждая была густо исписана, потому что там записывались дополнительные сведения, которые в клетки не попадали.

Н.Б.: Качественная информация.

С.А.: Да.

Н.Б.: А как вы вот этот аппарат разрабатывали?

С.А.: Да как-то так – разрабатывали.

Н.Б.: Но он чей был больше – этнографический? Философы, наверное, мало такими исследованиями занимались?

С.А.: Нет, он был этнографический, конечно. Конечно, Маркарян этим не занимался. Но эти молодые ребята, его аспиранты, как-то прониклись. Они освоили этнографию. И с энтузиазмом взялись за это дело. Им это было интересно.

Н.Б.: Они были разработчиками аппарата исследования?

С.А.: Да, под руководством Мкртумяна и моим. Но Мкртумян... Вы знаете, что Мкртумян был во многих отношениях уникальный человек. И он был непревзойденный методист. Один раз я был в экспедиции, где были студенты Ереванского университета. И одна девочка – армянка, московская. С кафедры этнографии МГУ. Не помню, как ее звали. А другую девочку звали Гаянэ и она закончила второй курс. И после второго курса поехала в экспедицию. Но она была в экспедиции и после первого курса. И навык полевой методики она усвоила от Мкртумяна еще после первого курса. Так вот: эта московская девочка, армянка, знавшая армянский язык вполне сносно, после четвертого курса кафедры МГУ была абсолютно беспомощна. И ее воспитание как этнографа-полевого взяла на себя вот эта самая Гаянэ, кончившая второй курс. Потому что она была на несколько голов выше – именно в плане методики полевой работы.

Н.Б.: В МГУ плохо преподавали методику полевой работы?

С.А.: Я думаю, что на кафедре в то время... Не знаю, как сейчас, но в то время (это был 1986 или 1984 год, это было уже после книги, 1984 скорее всего) просто не уделяли достаточного внимания экспедициям со студентами и методике полевой работы. А у Мкртумяна был ХАГ – Этнографическая экспедиция университета – это был структурный момент в университете. Он не был оформлен. По существу это было легкое продолжение работы кафедры. Но вот этот ХАГ существовал много лет со своей традицией. И каждый вечер... Мы обычно жили в школе, у нас были спальные мешки, на полу мы спали; днем мы работали в селе по информаторам, потом ужинали, а после ужина до отбоя, т.е. где-то до 11 или до 10 часов вечера очередная пара... Все студен-

ты работали и при них кто-нибудь мог быть – инструктор из преподавателей; или сам Мкртумян, или я, или еще кто-нибудь. Но чаще всего инструкторы переходили от пары к паре. Так вот каждая пара делала отчет за истекшую неделю своей работы. В следующий день другая пара делает. Там до 12 бывало студентов, в общем, в экспедиции этой.

Н.Б.: И какая продолжительность была экспедиции?

С.А.: Летняя продолжительность: после сессии до начала занятий.

Н.Б.: Два месяца?

С.А.: Да, примерно два месяца. Полтора месяца, скажем так. Так вот: каждая пара делала свой доклад. Каждой паре назначался оппонент или оппоненты (два). И, в общем, это ежевечернее заседание проходило по схеме защиты диссертации. Доклад за неделю: собранный материал, выводы. Выступления оппонентов. Ответы. Обсуждение. Два–три часа от ужина до отбоя *каждый* вечер. Заседание Ученого совета экспедиции, когда сама экспедиция представляла собой Ученый совет. Такого я не знаю нигде.

Н.Б.: Там обсуждался только полевой материал или вопросы теории тоже?

С.А.: Безусловно! Безусловно! Потому что какой смысл был бы мне участвовать в этой экспедиции, если бы я не подводил каких-то итогов (и Мкртумян, и я...). Маркарян – меньше, ему не очень нравилась экспедиционная жизнь, так что он один раз съездил в экспедицию, второй, а потом перестал. Ребятам этим, аспирантам, им нравилось. И они продолжали участвовать. А кроме того у нас мог быть архитектор и художник в составе экспедиции – специально приглашенные.

Н.Б.: Для изучения...

С.А.: Жилища, жилища. И их рисунки и схемы в этой книге есть.

Н.Б.: Междисциплинарное исследование получилось.

С.А.: Да.

Н.Б.: Сергей Александрович, Вы говорите, содержание термина “жизнеобеспечение” для Вас менялось. А в своей группе вы обсуждали это понятие? То, каким оно попало в книжку, было сразу, или менялось?

С.А.: Нет, менялось, конечно! В книжку оно не попало. Нет, ну оно попало, конечно, но доложено было в 1979 г. на этнографической сессии в Ереване. Маленький доклад Мкртумяна (*Мкртумян* 1978). Книжка была издана очень маленьким тиражом – тезисы. Конечно, оно менялось. Мы обкатывали, мы пытались так, эдак членить. И в конечном итоге пришли к этому цветочку. Основная заслуга в этом была, конечно, Мкртумяна, поэтому он имел полное право опубликовать от себя, потому что в основном это его было предложение. Но оно прошло какую-то обкатку, какое-то обсуждение. А были другие предложения, которые были отвергнуты.

Н.Б.: Какие?

С.А.: Вот я Вам говорю, что я увидел в своем дневнике кружочки, крестики, но сейчас я уже не помню, что за ними стояло.

Н.Б.: Понятно... Это дискутировалось постоянно. А в нашей науке у этого понятия были предшественники?

С.А.: Я не знаю, мне трудно сказать.

Н.Б.: Вы сами не обращались к нашей литературе, не отсюда почерпнули его?

С.А.: Нет, нет. Но, может быть, это носилось в воздухе.

Н.Б.: А вот в самом определении есть слово “непосредственное”. Не могли бы Вы пояснить, что имели в виду?

С.А.: Удовлетворение витальных потребностей человека. Человеку необходимо питание. Человеку необходим какой-то температурный режим, защита от воздействия стихий. Ну, вот это – это и есть непосредственное жизнеобеспечение.

Н.Б.: А как туда попало поселение?

С.А.: Ну, просто жилище трудно трактовать вне рамок поселения. Так же, как пищу...

Н.Б.: Трудно трактовать...

С.А.: Трудно трактовать вне рамок земледелия и скотоводства...

Н.Б.: Ну вот-вот, и я об этом же...

С.А.: Совершенно верно. Но все-таки земледелие и скотоводство это такие особые, большие темы. И пища по сравнению с непосредственным продуктом сильно видоизменяется, как правило. Тогда как жилище вписано в поселение. Просто без поселения...

Н.Б.: Отдельно дом не может стоять?

С.А.: Может: тогда он сам по себе представляет поселение. Какое-нибудь хуторское поселение.

Н.Б.: То есть все посредники между пищей и человеком (например, лодка) в эту систему не войдут?

С.А.: Конечно. Плуг – не войдет. Там в книге сказано, что идет ряд этапов: зерно нужно смолоть, потом нужно сделать тесто и тесто нужно выпечь – и тогда будет хлеб, который можно будет съесть. Но жатва, обмолот не касаются жизнеобеспечения. Производится только сырье, которое имеет товарное значение.

Н.Б.: Товарное значение?

С.А.: Может иметь товарное значение. Потом – мука, которую можно смолоть дома, на ручной мельнице. А можно – смолоть на мельнице нормальной, водяной или механической, паровой. Тут в разной степени индустриализация как бы входит. В конце концов, хлеб может быть выпечен на хлебозаводе. И тогда в культуру жизнеобеспечения войдет только поход в булочную за этой булкой и ее разрезание на столе и поедание.

Н.Б.: Значит, все, что имеет отношение к экономике и товарному хозяйству, отсюда исключается.

С.А.: Да! Но на разных уровнях – разное. С другой стороны, скажем, жнецы могут идти в поле жать: нас не интересует, как они жнут, но когда в перерыве им нечего есть, они обжигают на соломе сноп, выколачивают жареные зерна и грызут эти жареные зерна – это уже их жизнеобеспечение. Им кушать хочется.

Н.Б.: Понятно. Спасибо Вам большое.

Литература

- Арутюнов* 1989 – *Арутюнов С.А.* Народы и культуры: развитие и взаимодействие. М.: Наука, 1989.
- Арутюнов, Маркарян* 1983 – Культура жизнеобеспечения и этнос: Опыт этнокультурологического исследования (на материалах армянской сельской культуры) / Отв. ред. С.А. Арутюнов, Э.С. Маркарян. Ереван: Изд-во АН Армянской ССР, 1983.
- Богатырев* 1971 – *Богатырев П.Г.* Функции костюма в Моравской Словакии // Вопросы теории народного искусства. М., 1971. С. 297–368.
- Булатова и др.* 2001 – *Булатова А.Г., Гаджиева С.Ш., Сергеева Г.А.* Одежда народов Дагестана. Историко-этнографический атлас. Пушино, 2001. 290 с.
- Гурова* 2008 – *Гурова О.Ю.* Советское нижнее белье: между идеологией и повседневностью. М.: Новое литературное обозрение, 2008.
- Кобычев* 1982 – *Кобычев В.П.* Поселения и жилище народов Северного Кавказа в XIX–XX вв. М.: Наука, 1982.
- Кожин* 1985 – *Кожин П.М.* К проблеме происхождения колесного транспорта // Древняя Анатолия / Отв. ред. Б.Б. Пиотровский. М.: Наука, 1985. С. 169–182.
- Левин, Потапов* 1961 – Историко-этнографический атлас Сибири / Под ред. М.Г. Левина, Л.П. Потапова. М.: Изд-во Академии Наук СССР, 1961.
- Мкртумян* 1978 – *Мкртумян Ю.И.* Основные компоненты культуры этноса // Методологические проблемы исследования этнических культур. Материалы симпозиума. Ереван: Изд-во АН Армянской ССР, 1978. С. 42–46.
- Одежда 1986 – Историко-этнографический атлас Прибалтики: Одежда. Рига: Зинатне, 1986.
- Сычев, Сычев* 1975 – *Сычев Л.П., Сычев В.Л.* Китайский костюм. Символика, история, трактовка в литературе и искусстве. М.: Наука, 1975.

- Токарев* 1968 – Типы сельского жилища в странах зарубежной Европы / Под ред. С.А. Токарева. М.: Наука, 1968.
- Утехин* 2004 – *Утехин И.В.* Очерки коммунального быта / Серия “Нация и культура”. М.: О.Г.И., 2004.
- Чебоксаров* 1979 – Типы традиционного сельского жилища народов Юго-Восточной, Восточной и Центральной Азии / Под ред. Н.Н. Чебоксарова. М.: Наука, 1979.
- Этнографическое картографирование* 1975 – Этнографическое картографирование материальной культуры народов Прибалтики. М.: Наука, 1975.
- Goody* 1996 – *Goody J.* Cooking, Cuisine and Class: A Study in Comparative Sociology (Themes in the Social Sciences). Cambridge: Cambridge University Press, 1996.
- Lévi-Strauss* 1965 – *Lévi-Strauss C.* Le triangle culinaire // *L'Arc*. 1965. № 26. P. 19–29.
- Tannahill* 1973 – *Tannahill R.* Food in History. L.: Eyre Methuen. 1973. 448 p.

S.A. Arutyunov. From the Still to a Fleeting Materiality: On the Issues in Ethnographic Study of Material Culture (Interview to N.V. Bogatyr)

Keywords: history of science, material culture, culture of ethnic subsistence, research methods, field research

In the interview Sergei Arutyunov, professor and senior ethnographer of the Russian Academy of Sciences, reflects on notions of the culture of ethnic subsistence and on the reasons that the studies of material culture in Soviet/Russian ethnography went a specific way; he further talks about their past and future, and ponders over the case of interdisciplinary conceptualization of material culture in the study of rural Armenia.

ЭО, 2011 г., № 5

© Ф. Ваннини

ИССЛЕДОВАНИЯ МАТЕРИАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ И СОЦИОЛОГИЯ/АНТРОПОЛОГИЯ ТЕХНИКИ*

Ключевые слова: материальная культура, технокультура, потребление, выбор, техника, использование, доместикация, “политика материальности”, объективация

Статья была написана автором как редакторское введение к теоретической части междисциплинарного сборника “Материальная культура и технологии в повседневной жизни: этнографические подходы” (2009). В ней Филипп Ваннини предлагает краткий обзор концептов, которые в последние годы часто используются в англоязычных исследованиях материальной / технологической культуры. С помощью этого обзора он стремится: 1) показать, что разные дисциплинарные традиции используют для осмысления материальности близкие идеи и концепты; 2) привести эти традиции к единой платформе, которая могла бы стать теоретическим основанием для всестороннего материалистического исследования технологической культуры.

Филипп Ваннини – Университет Ройял Роудс, Канада (Associate Professor, School of Communication and Culture); e-mail: phillip.vannini@royalroads.ca

* Публикуется с разрешения издательства Peter Lang Publishing Group. Перевод выполнен по: Vannini P. Material Culture Studies and the Sociology and Anthropology of Technology // Material Culture and Technology in Everyday Life: Ethnographic Approaches / Ed. P. Vannini. N.Y.: Peter Lang Publishing Group, 2009. P. 15–26.